

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АНАЛОГИЯХ В АВСТРИЙСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОСАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**НОВАЛЬ АЛЬ-АББАСИ ХЕЙРИ***nalabbasi@yahoo.com*

Среди немецкоязычных средневековых летописей «Мерзбургские заклинания», «Песнь о Людвиге», «Вессобрунская молитва», цикл сказаний о Дитрихе Бернском и другие – особое место занимают героические народно-эпические сказания «Песнь о Нибелунгах» и «Песнь о Хильдебранде». По установившейся европейской традиции в трудах ряда учёных они фигурируют как создания германского народа. Не ставя основной целью вдаваться в подробности той полемики, которая на протяжении нескольких десятилетий разворачивалась на страницах русских, азербайджанских или немецкоязычных источников по поводу конкретного месторасположения воинских ратей, описанного в этих памятниках, постараемся проанализировать эти образцы героического эпоса. Важно подчеркнуть, что есть такие учёные, которые в противовес традиционно-хрестоматийным взглядам защищают точку зрения на исконно австрийское происхождение поэмы «Песнь о Нибелунгах». В их числе те критики, которые вслед за своим именитым предшественником Карлом Лахманом пытаются обосновать потенциальную возможность её соотнесения с австрийским эпосом.

Ещё в начале XX столетия было доказано, что исторической основой грандиозной поэмы являлась гибель бургундского царства, разрушенного в 437 году гуннами. И до сих пор не исключено, что большие караваны австрийской конницы и пеших дружин в IV-V веках нашей эры могли проходить в те годы по названной географической территории. В частности, гипотезу немецкоязычных филологов, специалистов по фольклористике, защищает видный русский учёный Б.И. Пуришев, который в учебном пособии по зарубежной литературе Средних веков, анализируя знаменитый немецкоязычный памятник «Сага о Волсунгах», также указал на «Песнь о Нибелунгах», в которой главные события соотнесены с периодом варварских нашествий. А в них в свою очередь далеко не последнюю роль играли отборные дружины австрийских воинов.

В свою очередь, некоторые современные азербайджанские учёные также пытаются отыскать те специфические черты, которые роднят национальный и европейский эпосы. Генетические связи средневековой Европы в данном случае, конечно, заметно отличаются от исконных восточных корней, однако, характер древних завоеваний, стадийная последовательность в ходе развития героики, опирающиеся в литературах Востока и Запада как на мифы о первопредках, так и на реальные лица, всё же позволяют филологам и историкам унифицировать отдельные особенности героических сказаний.

Тем самым общая картина в процессе развития отношений азербайджанского и европейского, точнее, австрийского эпосов оказывается более информативной и ценной. Кроме того, нельзя отрицать факт частичного совпадения временных пластов азербайджанского и австрийского эпосов, а если смотреть на эту проблему шире, то выясняется, что на Востоке и Западе героический эпос содержит во многом схожую, если вообще не идентичную парадигму сюжетно-тематических элементов. Имеем в виду общность таких специфических для народного сказания черт, как чудесное рождение героя, его волшебная неуязвимость, сказочно-фантастический характер богатырских подвигов, необычное сватовство, опять же чаще всего связанное с героикой, битва с чудовищами, кровь за кровь как неписанный закон родовой мести и т.д. и т.п. Весь этот арсенал художественно-изобразительных средств, составляющих собственно основу эпики, позволяет нам проводить типологический анализ восточного (азербайджанского) и западного (австрийского) героических сказаний.

С учётом отмеченного, в рамках статьи скажем несколько слов о фабуле средневековых эпосов Австрии и Азербайджана. Итак, грандиозная поэма «Песнь о Нибелунгах» («Das Nibelungenlied», около 1200 г.) названа по имени мифического народа – карликов, владельцев и хранителей заповедных сокровищ «малой нации». Народная в своих истоках, поэма обнаруживает весьма значительное влияние феодально-рыцарской идеологии и культуры средневекового периода.

Первая часть «Песнь о Нибелунгах» повествует о подвигах юного рыцаря, в лице которого выступает храбрый и великодушный Зигфрид, полюбивший прекрасную Кримхильду по слухам о ее красоте. Вторая часть поэмы содержит материал, касающийся мести жены Кримхильды и о трагическом финале кровавой распри (здесь сказалось художественное отображение исторических преданий об уничтожении гуннами бургундского государства).

Ранее в вопросах о происхождении «Песни о Нибелунгах» был поднят в работах национальных литераторов А. Хойслера «Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах», Ф. Панзера, Х. Беккера, Т. Абелинга и некоторых других. Но в связи с поставленной целью нашей статьи прежде необходимо отметить, что сведения из монографических работ названных авторов несколько устарели, нуждаются в комментариях, дополнении и даже видоизменении.

Примечательно, что средневековый поэт не упускает случая сообщить не только о политическом противостоянии воюющих сторон, но также и ведёт речь о пышных рыцарских празднествах и забавах, о рыцарском придворном этикете, о роскошных нарядах дам и о многом другом. При всем том блестящие картины рыцарского быта – это только внешняя сторона поэмы «Песнь о Нибелунгах». Под этой блестящей оболочкой таятся военные события, исполненные подлинно глубокого драматизма и даже трагизма. Ведь здесь мы находим правдивую картину злодеяний феодального мира, предстающего перед читателем как некое мрачное разрушительное начало, а также осуждение этих столь обычных для феодализма злодеяний. И в этом, прежде всего, на наш взгляд, проявляется подлинная народность австрийской поэмы, тесно связанной с традициями немецкоязычного былевого эпоса.

Одним из первых азербайджанских учёных, обративших серьёзное внимание на искомые тематические параллели, явился Ильгар Гусейнов. На интересующую нас тему в 2005 году он написал кандидатскую диссертацию («Взаимосвязи

азербайджанского и западноевропейского эпоса»). В ней прежде всего многие проблемы взаимоотношений тюркских и европейских героических эпосов находятся в теснейшей связи с целым рядом общеэпических проблем. В них автор в первую очередь включает происхождение и генезис национальных эпических сказаний, специфические особенности дальнейшего развития данного процесса на Востоке и на Западе, основные этапы его развития. Кроме того, в ходе исследования этого вопроса даётся указание на фольклорные традиции и их преобладание в эпическом жанре.

Так, в автореферате названной диссертации по данному поводу читаем следующее: «Что касается азербайджанских эпосов, то параллели между ними и средневековыми европейскими эпосами не получили должного отражения в компаративистике; хотя, даже при поверхностном рассмотрении можно обнаружить множество аналогичных элементов композиции (например, в «Песне о Бейреке» из «Книги Горгуда» главный герой в брачную ночь кладёт меч между собой и невестой в знак обета, данного им для освобождения своего брата из вражеского плена). В средневековой европейской литературе, - продолжает свою мысль автор, - этот мотив нашёл отражение в наиболее известных памятниках: в народном по своей основе (но распространённом во множестве литературных обработок) романе о Тристане и Изольде, а также в «*Песни о Нибелунгах*» [3,12] (курсив наш).

Отметив справедливость ценной художественной детали, связанной, как видим, с общеродовыми представлениями в азербайджанском и австрийском народно-героическом эпосе, попытаемся в русле настоящей темы развить эту мысль. Для этого необходимо вспомнить текст авентюры (главы) под номером *десять*. Передаём содержание одного из нижеследующих отрывков из поэмы в русском переводе Ю.Корнеева:

Державный Гунтер молвил: «Тогда вы знать должны,
Что благородный Зигфрид – король большой страны.
Богат он и землею, и замками, как я.
Вот почему он избран мной моей сестре в мужья [8,31].

Однако объяснение Гунтера не могло унять слёз Брюнхильды. После свадебного торжества, поведал нам средневековый автор, ей чуть было не открылся обман. Идёт описание подготовки к первой брачной ночи, в которой в данном случае без малейшего намёка на воздыхания возлюбленных и иного рода эротические сцены (быть может, даже в некий ущерб естественным плотским вожделениям) всё внимание в австрийском сказании сосредоточено именно на аналогичной художественной детали, о которой нами было сказано страницами выше и использованной в азербайджанском героическом дастане «Деде Коркуд».

А именно, после проведения свадебного торжества Брюнхильде чуть было не открылся коварный замысел: в первую брачную ночь Гунтер не смог совладать с неприступной героиней, и только с помощью Зигфрида, укрывшись плащом-невидимкой, одолел её на следующую ночь. Зигфрид же в свою очередь незаметно снял с Брюнхильды пояс и перстень, скрыв их у себя. В дальнейшем в финале десятой авентюры фактически описываются события, аналогичные азербайджанскому дастану «Деде Коркуд».

Каким же чудесным образом оказались возможными такие удивительные

совпадения в художественных деталях и нюансах? Конечно, следует признать, что по территориальному признаку определённые связи между Востоком и Западом всё же существовали, хотя в период раннего Средневековья они могли отмечаться относительно редко. Но не только в этом мы видим «секрет». Современный исследователь азербайджано-австрийских и – шире – азербайджано-инонациональных связей обязан за второстепенным и внешне неприметным узреть главное, первостепенное. Так, выясняется, что указанные героические эпосы имеют равноценно план выражения и план содержания. Австрийский и азербайджанский дастаны состоят из цельного и органичного слияния этих двух планов, двух линий, двух направлений и, наконец, двух мировосприятий со стороны автора. Анализ условно первого плана (тот есть выражения) без проникновения в другой (то есть план содержания) приводит к односторонним, примитивным и поверхностным выводам. Как предполагает языковед и критик К. Абдулла, «раскрытие же «затаившихся», а может быть и сознательно «затаенных» в плане содержания причин, мотивов, напротив, помогает разобраться в кажущихся аналогичными моментах в плане выражения. Несомненно, что эти, затаившиеся, мотивы являются существенным подспорьем для целостного и полномасштабного восприятия того или иного конкретного мотива, лежащего на поверхности и выраженного в сюжетных линиях» [1,17].

С учётом перечисленных мнений азербайджанских учёных относительно принадлежности «Песни о Нибелунгах» австрийскому героическому эпосу, возьмём на себя смелость представить в самых общих чертах гипотезу, которая, как нам удалось выяснить, ранее не высказывалась в теории мирового литературоведения. Есть неписанный закон неточных наук, вернее, цикла гуманитарных дисциплин: если один и тот же персонаж является действующим лицом нескольких произведений, то на первоначальном условно-умозрительном уровне появляется хорошая возможность для сравнительно-сопоставительного анализа. В том случае, когда сопоставляемые произведения совпадают по жанровым признакам, стилевым особенностям, честь их создания принадлежит авторам одной национальности, а сами образцы не разделены большими временными промежутками, то аналогии тем более из ассоциативных превращаются во вполне реальные, можно сказать, физически ощутимые.

Как было отмечено выше, «Песнь о Нибелунгах» относится к концу X- началу XI веков; «Песнь о Хильдебранде», как предполагают -столетием раньше. В первом памятнике среди многочисленных персонажей встречается и сам Хильдебранд (см., в частности, авентюры под номерами XXXVIII и XXXIX). Несмотря на незначительную (в масштабах героической истории немецкоязычных государств) разницу в создании двух эпосов, *биологический* возраст главного героя совпадает; он показан убеленным сединой и, бесспорно, мужественным и опытным воином, прошедшим, как говорится, огонь и воды.

В более ранней поэме об этом читаем:

«Боже всесильный, поистине злая
ныне вершится судьба:
тридцать лет я в земле
чуждедальной скитался,
бился в первых рядах
но у стен крепостных не единожды

не был в битве кровавой сражён» [8,13].
(Перевод с немецкого Т. Сулиной).

Но именно в первоначальной рукописи фигура старого Хильдебранда драматична, он не может по жестоким законам и нравам того времени уклониться от смертельной схватки со своим родным сыном, вынужден даже сражаться и против людей своего народа. Решаясь на этот поединок, он должен тем самым порвать узы кровного родства. По сюжету Хильдебранд остается верен Дитриху, с которым его связывают обязанности приближенного.

В то же время в «Песни о Нибелунгах» главный герой выступает в роли старца-мироотворца:

Тут Хильдебранд вмешался: «Клянусь творцом небесным,
Мой государь явился к вам с предложеньем лестным.
Пойти на мир почётный должны вы, Хаген грозный,
Пока уладить всё добром ещё отнюдь не поздно» [8,59].
(Перевод с немецкого Ю.Корнеева).

Следовательно, мы можем заключить, что и диалектика подвига здесь налицо. Надо полагать, что в огромном массиве поэмы «Песнь о Хильдебранде», которая до наших дней не дошла, центральный герой, по элементарной логике, мог быть описан молодым воином, через тридцать лет встретившимся с Хадубрандом на поле битвы. «Песнь о Нибелунгах» в свою очередь продолжает эту линию. Напрашивается вопрос: если на примере главного художественного образа (возможно, реального исторического лица, а впоследствии литературного прототипа) так много общих точек соприкосновения, а целый ряд современных учёных считает «Песнь о Нибелунгах» австрийским эпосом, то не целесообразно ли отнести все указанные сюжетно-проблемные закономерности к авторству и «Песни о Хильдебранде». Конечно, нельзя ставить точку в данном вопросе; нас вполне удовлетворяет и тот факт, что зерно сомнения заброшено на почву мирового литературоведения.

В завершение статьи мы можем от себя дополнить эти сведения, непосредственно ориентируясь на текст «Песни о Хильдебранде» (Отправился он на Восток [Хильдебранд], гнева Отахра бежал; или:

В отечестве он покинул
Жену и младенца сына,
Наследия лишённых, и прочь
к восточной земле устремился [8,12].

Таким образом, и здесь текст поэмы «Песнь о Хильдебранде» предоставляет нам возможные связи между Европой и Востоком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулла Камал. Тайный Деде-Коркуд-2. Баку: Мутарджим, 2007, 426 с. (Рукописный вариант).
2. Архипов Ю. И. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987, 654 с.
3. Гусейнов И.З. Взаимосвязи азербайджанского и западноевропейского эпоса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку: 2005, 18 с.

4. Джафаров Г.Ф. Связи Азербайджана со странами передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по археологическим материалам Азербайджана). Баку: ЭЛМ, 1984, 198 с.
5. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979, 464 с.
6. Затонский Д.В. Австрийская литература в XX столетии. М.: Художественная литература, 1984, 444 с.
7. Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Красная Пресня, 1916, 144 с.
8. Пуришев Б.И. Зарубежная литература Средних веков. М.: Просвещение, 1974, 311 с.
9. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. (Вступительная статья и примечание В.М.Жирмунского). М.: Художественная литература, 1960, 201 с.
10. Abeling Th. Das Nibelungenlied und seine Literatur. Eine Bibliographie und vier Abhandlungen. New-York: 1970, 211 p.
11. Bekker H. The Nibelungenlied./ Toronto, 1971, 183 p.
12. Panzer F. Das Nibelungenlied. Entstehung und Gestalt, Stuttg.-Köln, 1955, 179 p.

ORTA ƏSR AVSTRİYA VƏ AZƏRBAYCAN QƏHRƏMANLIQ EPOSLARINDA BƏZİ ANALOGİYALAR HAQQINDA

NOVAL ƏL-ABBASI XEYRI

XÜLASƏ

Məqalədə Avstriya və Azərbaycan qəhrəmanlıq dastanları arasında mövcud olan oxşarlıqlar araşdırılır. Məlum olur ki, «Kitabi Dədə Qorqud» dastanındakı müəyyən motivlər Avstriya dastanlarında da öz əksini tapmışdır.

Belə ki, müəllif sübut edir ki, «Nibellunqlar haqqında nəğmə» və «Hildenbrand haqqında nəğmə» adlanan Avstriya xalqına məxsus olan dastanlarda «Kitabi-Dədə Qorqud» arasında müəyyən əlaqələr mövcuddur və onları araşdırıb üzə çıxartmağı vacib və şərəfli iş sayır.

TO THE QUESTION OF SOME ANALOGUES IN MEDIEVAL AUSTRIAN AND AZERBAIJANI HEROIC LEGENDS

NOVAL AL-ABBASI KHEYRI

SUMMARY

In the article the similarity between Austrian and Azerbaijani heroic legends is investigated. We see that some motives in the legend “Kitabi Dede Gorgud” have been also reflected in Austrian legends.

The author proves that there are some connections between Austrian legends “The song of Nibellungs” and “The song of Hildenbrand” and “Kitabi-Dede Gorgud” and thinks that it is important and honourable work to discover and investigate them.